

В чем состоит свобода или о придуманных страхах и страстях

(Отрывок из книги «Поезд отправляется»

www.literatur-viktor-prieb.de)

Его свободу – именно как свободу действий при принятии решений – Отец понимал из собственного опыта, а не из некоего навязанного извне учения о демократии.

Человек только тогда свободен в своих действиях и с этим как личность в своей человеческой жизни, – а именно вне зависимости от господствующей демократической, диктаторской или еще какой бы то ни было государственной системы, в которой он живет, – если у него нет страха, и он не оглядывается через плечо или не прикрывает рот рукой всякий раз, когда выражает свое мнение, что-то говорит и что-то решает. А страхи эти человек придумывает и делает себе, главным образом, сам. Другие – будь это его же люди-собратья или стоящие над ним власть имущие – только указывают ему на в нем уже дремлющие страхи, используют их и шантажируют таким образом такого человека.

Отец боялся по настоящему только одного – быть вот так шантажированным. Поэтому он жил честно и открыто, чтобы не было необходимости ничего скрывать: никакой лжи, никаких, особенно преступно пахнущих тайн или деяний, включая его калымы, при которых он в отличие от многих других никогда не допускал к оплате вранья, которое могло быть потом легко опровергнуто путем повторных обмеров, как, например, получить оплату за два вместо одного выкопанного в действительности кубометра земли. Чего же тогда еще должен был он бояться?

Столетиями шутят сибиряки очень метко о своем иногда авантюрном, дерзком и для несибиряков не всегда понятном поведении:

– Дальше Сибири все-равно не сошлют, иначе это была бы уже награда, а не наказание!

Сибирь как тюрьма и концлагерь – там был Отец еще слабым ребенком, как дома, и суждено ему такое за его иногда дерзкое поведение еще раз случиться, то он со своим новым опытом и силами был бы там еще в большей мере, как дома, и даже первым среди тамошних, ему также знакомых зэков. Редко случалось, чтобы его не застукали при его проступках, ни одного из которых он к тому же не пытался скрыть или замаскировать. Он всегда знал: ничего не бывает за так и за все, в том числе и прежде всего за свои проступки, надо платить. Он уже был знаком с милицией и даже имел некоторые стычки с милиционерами, которые пытались его при этом искалечить. То есть и тут он был больше не шантажируем, тогда как многие другие в таких «милицейских» ситуациях позволяли себя прежде всего со стороны КГБ шантажировать и были им завербованы как стукачи.

В свою преждевременную смерть Отец тоже не верил и просто не думал об этом, чтобы не иметь перед ней страха. Он мог себя хорошо защитить от всевозможных мелких, ежедневных опасностей, выучил как от своего Отца, так потом уже и сам искусство выживания и знал абсолютно надежно одно –

обстоятельства, которые пережил его Отец, смог бы теперь пережить и он тоже, и никакой здравомыслящий человек не мог бы себе представить, что современные обстоятельства как в СССР, так и во всем мире могут развиваться к более худшим, чем те, что случились для его Отца.

Он, конечно же, как и любой человек, боялся простой физической боли, и простые физические страдания, которые причинялись ему – будь это даже простой, полученный от врача укол – томили и обижали его душу. Но страх перед духовными страданиями от того, что он в какой-то ситуации смалодушничал и не поступил так, как этого требовала ситуация и его принципы, был у него гораздо больше. Уже хотя бы просто потому, что любые физические боли быстро проходят и телесные раны рано или поздно заживают, тогда как переходящие в душевные муки угрызения совести остаются на всю жизнь, порождают презрение к самому себе и уничтожают самосознание.

Поэтому он мог спокойно стерпеть вызывающую наглость какого-нибудь одного однозначно более слабого человека, но тут же, *не задумываясь*, кидался в драку, если его провоцировали к ней несколько однозначно более сильных мужиков. Потому что, если человек в подобных ситуациях лишь на одну секунду *задумывается*, то его благоразумие и инстинкт самосохранения победят, и он тихонько удалится без ущерба своему носу.

Отец предпочитал гордо удалиться и спать потом неделю с разбитым носом, чем малодушно слянуть со здоровым носом, не спать потом много ночей и мучиться всю свою остатнюю жизнь от сознания своего малодушия. «Ощипаный, но непобежденный!» – как он отшучивался, когда друзья иногда, после таких случаев, осведомлялись у него, почему он такой идиот. Как бы такие стычки не заканчивались, победа у его противников была отнята с самого начала – мало какие мужчины чувствуют себя победителями, если втроем или вчетвером побьют одного, который к тому же еще и сам кинулся на них.

Он не боялся также ломать свой путь и в связи с этим потерять из виду какую-то честолюбивую цель или из-за этого не достичь ее. Потому что его самой честолюбивой целью было не идти абы как правильным, ведущим прямо к цели путем, а идти правильно своим порядочным путем. В соответствие с этим он не мог никогда потерять эту цель из виду – неважно каким переломанным и зигзагообразным был его путь. И если даже очередной зигзаг не случался вынужденно, он закладывал его сам, потому что любой человек в конце своего прямого пути может видеть только очень мрачную и жуткую картину – свой собственный гроб и свою собственную могилу, которые совсем не обязательно должны принадлежать к самым честолюбивым человеческим целям. Гораздо же интереснее жить, когда тот же человек не так уж точно знает, какая захватывающая и заслоняющая картину гроба неожиданность ожидает его на следующий день, за следующим углом зигзага.

Он не боялся также что-то потерять, поскольку за то «что-то», что он имел, он не должен был никого благодарить, чтобы ориентироваться в своем поведении на этого «никого» с тем, чтобы этот «никто» не забрал у него это «что-то» назад и в результате это «что-то» не стало для него потерянным. К тому же большинство из того, что он по его мнению имел, было у него внутри и поэтому всегда при нем, так что никто не мог у него это отнять. Все необходимое извне, что ему удалось поиметь, имело для него лишь ту цену, что ему удалось «это» поиметь. Таким образом, будет «это» отобрано или

потеряно – ему удастся потом поймать «это» снова, если оно, к тому же, будет ему «потом» все еще необходимо.

Он не боялся также чего-то не получить, что было ему необходимо. Поскольку все, что необходимым для него было только то, что он мог оплатить. Пока он мог снова и снова добывать деньги, он мог также получить то, что для него было необходимым, без того чтобы лезть кому-то в задницу, стоять в очередях или позволить себя в них поставить. Все, что он не мог получить без того, чтобы быть должным все это делать, было именно *обходимым* для него, а не становилось предметом его вожделений, как он к этому приучился еще с детства.

В свои отпуска он ездил все-равно только на Север, и, чтобы туда поехать, он не нуждался в выстоянных в очередях профсоюзных путевках. Вступать в партию он все-равно никогда не хотел и не только потому, что он не нуждался в получаемых в результате этого привилегиях или что это была фальшивая и преступная партия, которую он просто по-человечески презирал. Если бы даже многие партии стояли к его выбору, он бы этого все-равно не сделал, поскольку члены любой партии должны ей подчиняться, позволять себя вести и становиться поэтому вместе с ней чем-то ими самими не контролируемым – в основном преступниками. А это была одна из немногих неспособностей Отца – к кому-то подстраиваться, кого-то слушаться или кому-то принадлежать, чтобы потом стоять с тупой миной и утверждать, что он ни о чем ничего не знал и «его хата с краю».

Естественным исключением отсюда были его самые близкие, среди которых к тому же не было ни «каждых», ни «никаких» и которым он принадлежал, позволял распоряжаться собой и даже пытался их слушать, если у них было что-нибудь умное, как у его Отца, сказать.

Но эту свободу действий позволял он себе только тогда, когда дело касалось его принципов. А в обычных ситуациях он передвигался среди своих собратьев-людей очень бережно и тактично. Поскольку он сам тоже тяжело учился тому, как человеческая бестактность и личная, понятая как беспардонность и безграничность свобода действий, могут делать больно и как быстро они ведут к ненужным конфликтам.

Этих беспринципных и ненужных конфликтов, как те между очередниками и всеми другими, лезущими в очередь со стороны или ее нарушающими, он старался по-возможности избегать, потому что ему хватало своих принципиальных конфликтов, которых он не должен был даже искать.

Во всяком случае, он также исправно, как и все, стоял в очередях за водкой, пока они еще были разумной длины, потом покупал водку только на черном рынке за двойную цену и только тогда, когда это было безусловно необходимо, и перестал в конечном итоге пить, когда очереди и цены были из принципиальных соображений больше не выносимы и не приемлемы.

*